



Юлия Посашко

МОНАХИ

о выборе и о свободе

Митрополит Игнатий (Пологрудов)

Монахиня Иулиания (Денисова)

Инокания Ольга (Гобзева)

Игуменья Иоанна (Егорова)

Игумен Агафангел (Белых)

Иеромонах Клеопа

Игумен Михаил (Семенов)

Игумен Нектарий (Морозов)

Иеромонах Макарий (Маркиш)

Юлия Игоревна Посашко
Монахи. О выборе и о свободе
Серия «Люди Церкви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299154

Монахи : О выборе и о свободе / Юлия Посашко. : Никея; Москва; 2014

ISBN 978-5-91761-238-6

Аннотация

Почему наши современники бросают мир и уходят в монастыри? Отвечая на этот вопрос, герои книги говорят о своей жизни и пути к Богу, о сомнениях и решимости, о слабости человеческой и силе Божией. О том, как невозможное делается возможным, а казавшееся абсурдным – единственно правильным. Разные люди, с непохожими судьбами, интереснейшим жизненным опытом – что поставило их в один ряд, в авангард войска Христова?

Содержание

Введение	15
Игумен Агафангел (Белых)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Игоревна Посашко

Монахи: О выборе и о свободе

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

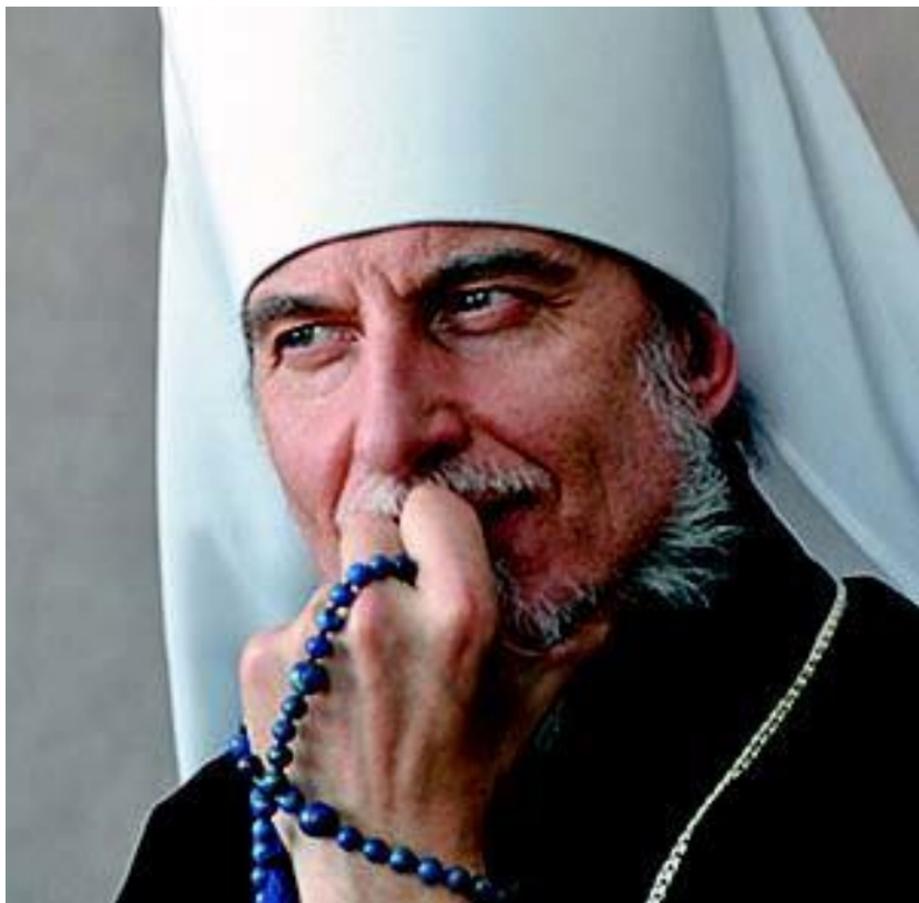
Спасибо!

Москва «Никея» 2014

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС13-313-2040

В книге использованы фотографии из личных архивов ге-

роев, а также фотографии М. Моисеева, Ю. Маковейчук, Д. Маханько, Е. Арбугаевой, инокини Елены (Страшиновой)

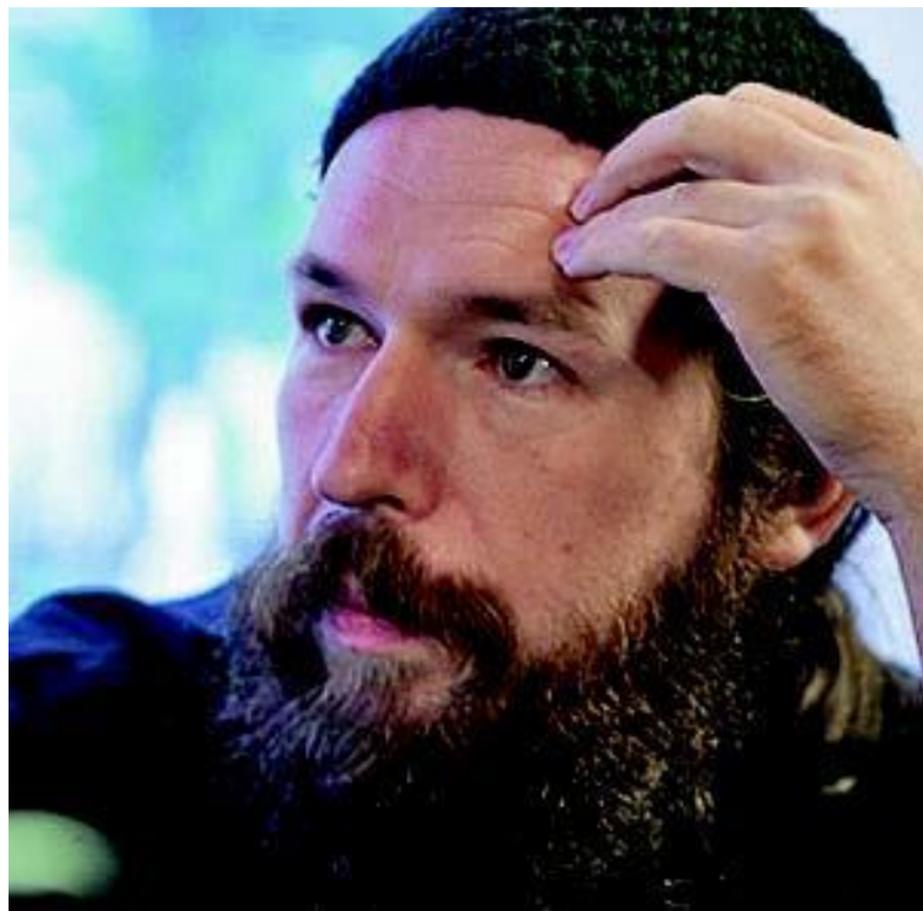




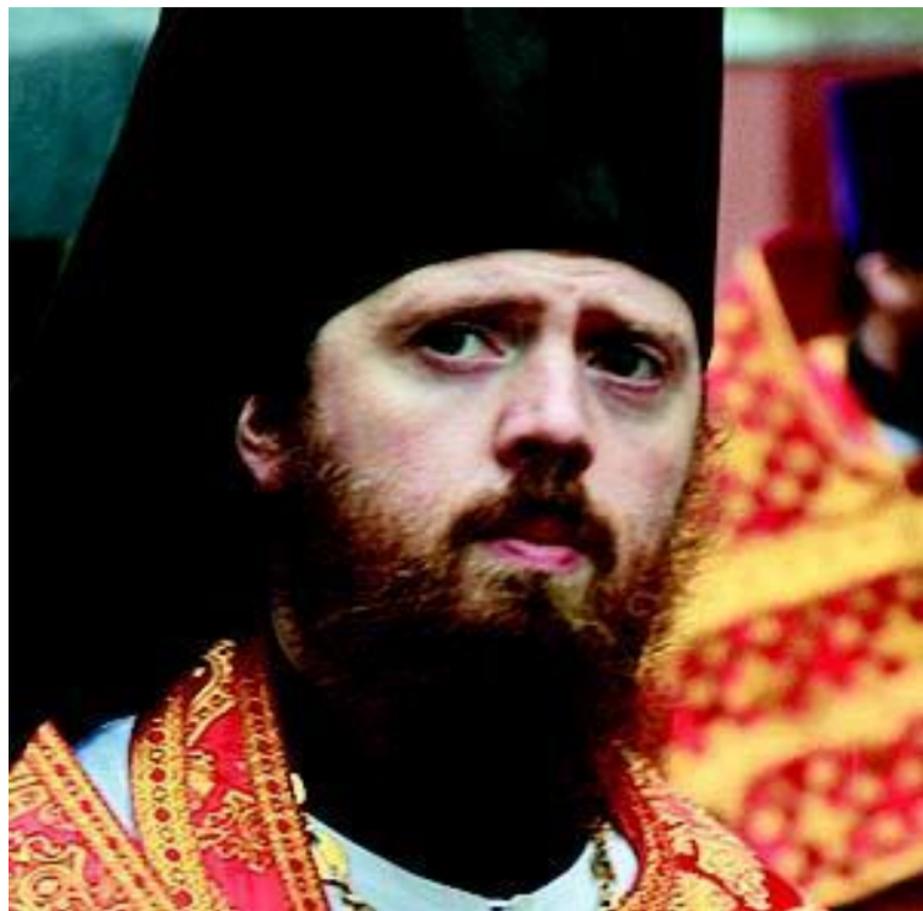


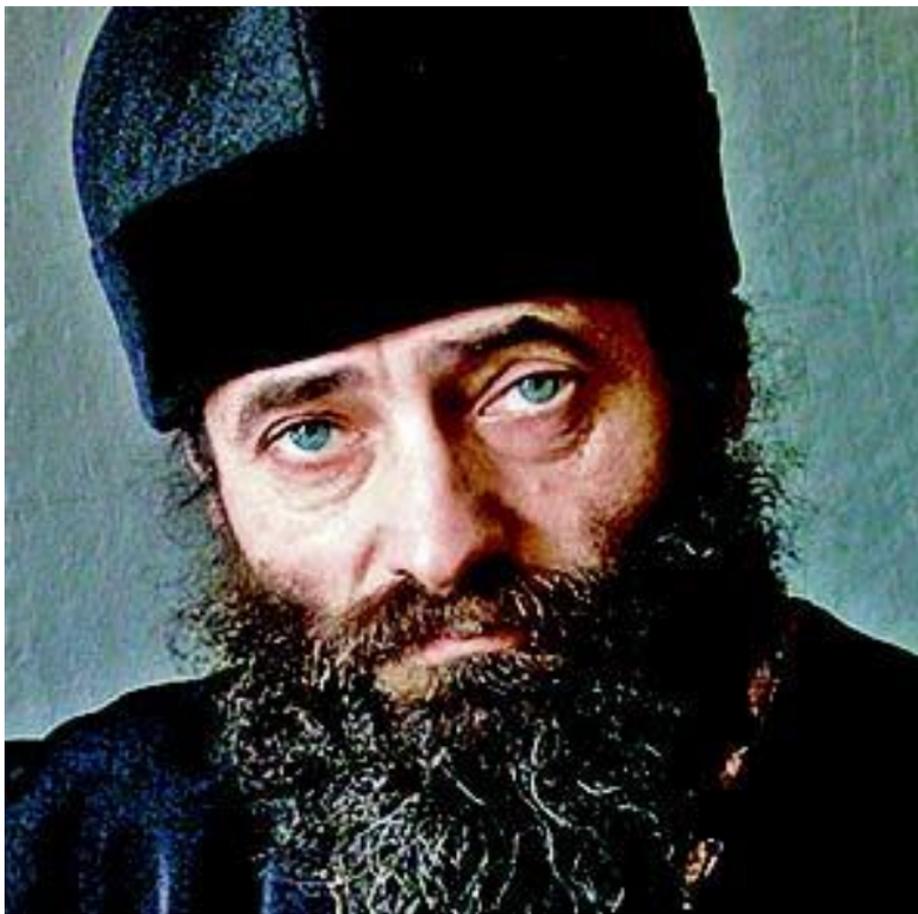












Митрополит Игнатий (Пологрудов)

Монахиня Иулиания (Денисова)

Инокиня Ольга (Гобзева)

Игуменья Иоанна (Егорова)

Игумен Агафангел (Белых)

Иеромонах Клеопа Петритис

Игумен Михаил (Семенов)

Игумен Нектарий (Морозов)

Иеромонах Макарий (Маркиш)

Введение

«Как вы дошли до жизни такой?» – по признанию многих наших собеседников, этот вопрос задается им довольно часто.

Мы любим ездить по монастырям, особенно по старинным, таинственным своей древностью. Или даже просто – из сутолоки городской жизни любим заглянуть в невесть как оказавшуюся посреди этого шума обитель, насладиться, наполниться ее покоем. Есть в монастырях что-то утишающее душу человека, даже маловерующего, приводящее в порядок привычный хаос мыслей, что-то... не всегда понятное нам самим.

Но ведь монастырь – это не стены, а прежде всего люди. Кто из нас хоть единожды не задавался вопросом: что заставляет этих людей – совершенно разных, разного образа жизни, склада характера – уходить в монастыри (впрочем, те, кто «ушли», ставят все-таки иные акценты, говорят: «Мы не ушли, мы – пришли»)?

«Ну, да, ради Бога, ради сугубой молитвы. Но ведь уйти надо было насовсем, навсегда!

Забывать, за спиной оставить все радости жизни! Нет, все равно непонятно, все равно что-то должно быть не так! Может, несчастная любовь случилась... или человек не сумел реализоваться в жизни. или на него сильное впечатление

произвела смерть близкого человека. а не вернее ли всего он – великий грешник, вот и идет грех вымалывать.

Нет, понятно еще, если решается на „скорбный иноческий путь“ человек уже поживший, повидавший виды – можно сочувственно вздохнуть вслед. Ну а когда молодые, полные сил ребята и девушки решаются „похоронить себя заживо“ – как это принять, чем объяснить? Ведь что такое монастырские будни – скука сплошная, „редька, постное масло да поклонны“ (именно так, в бытность свою молодым офицером, представлял себе иноческую жизнь будущий старец Оптиной пустыни преподобный Варсонофий Оптинский)! А могла быть – семья, детки... Бедные, бедные люди!»

Действительно, что должно случиться с человеком, чтобы ему вдруг (или все-таки – не вдруг?) сделался неинтересен целый мир, полный впечатлений, земной красоты, радости встреч и открытий? Богом созданный мир. Что должно быть на другой чаше весов?

Это главный вопрос, который мы старались ставить перед героями книги, которую вы держите в руках.

Игумен Агафангел (Белых)



Игумен Агафангел (Белых), клирик Белгородской епархии

От бесшабашной, свободолюбивой юности, путешествий автостопом по Центральной России – к строгим монашеским одеждам, четкам, молитвам, «непринадлежанию» себе. Впрочем, путешествия отнюдь не прекратились: со времени монашеского пострига игумен Агафангел успел послужить на Чукотке, в Магаданской и Синегорской епархиях, окормлял многие отдаленные поселки, в которые добраться-то можно только с помощью авиации. А с 2009 года так и вовсе стал создателем и руководителем миссионерского ста-на «Спасский» в якутском порту Тикси, на берегу моря Лаптевых.

«Я думаю, что монахи – наиболее свободные люди», – прозвучало в нашей беседе. И прозвучало вовсе не диссонансом. Как это возможно? Об этом и о многом другом наш разговор с игуменом Агафангелом (Белых).

*Филипп находит Нафанаила и говорит ему:
мы нашли Того, о Котором писали Моисей
в законе и пророки,
Иисуса, сына Иосифова, из Назарета.
Но Нафанаил сказал ему:
из Назарета может ли быть что доброе?
Филипп говорит ему: пойди и посмотри.*

Ин. 1: 45-46

Девятый том Кастанеды

– Если вернуться на двадцать лет назад... Когда вы сами пришли к такому убеждению, что Евангелие – это истина? Не Кастанеда, не Лао-Цзы – ведь хиппи этим тоже увлекались?

– У меня с Кастанедой был смешной случай. Уже будучи христианином, священником, я с кем-то начал говорить о ложности учения Кастанеды: «Брат, ты понимаешь, что я говорю как человек знающий, я прочитал шесть томов Кастанеды в свое время». Он говорит: «Вот именно, вы прочитали шесть томов, батюшка, а нужно было девять, в девятом-то томе все правильно объясняется!»

Да, я, конечно, очень много метался между разными религиозными движениями, но ничем серьезно не увлекался. И к кришнаитам тогда мы тоже ходили, и на бывшую Колхозную площадь. Теперь это Сухаревка. У них был большой ашрам, мы ели там прасад. Его же давали бесплатно. Там же можно было санкиртан весело потанцевать.

Потом и к пятидесятникам ходили. Но пятидесятники меня как-то сразу испугали. Когда все стали «говорить на языках», я понял, что это совершенно не мое. Я там для приличия тоже встал на коленки, но никакого участия во мне это не вызвало. Хотя у меня был хороший друг из этой среды.

В церковь-то я тоже заходил, конечно. Но это все так же

было – в ряду прочего. А осознание истинности Евангелия, и именно православного, восточного его понимания, оно, наверное, выросло постепенно, когда я уже решил в семинарию поступать. Я готовился к поступлению примерно полтора года на приходе в Прибалтике, в Калининградской области. Очень много читал. У меня тогда появилась масса свободного времени. Я жил при храме, сторожил, чуточку расписывал притвор, и вот, наверное, тогда что-то стало меняться. Видимо, это было связано с тем, что я просто стал жить, по сути, в режиме церковной жизни: вечером – служба, утром – молитва, чтение Священного Писания. Я там работал еще и сторожем – надо было территорию убирать, дрова колоть, снег чистить.

– *Нести монашеское послушание, практически?*

– Да-да. Причем до этого я никогда не был ни в одном монастыре. О монастырях я знал только из книжек или понаслышке. И я в таком «формате» прожил год с лишним. Поэтому я все-таки связываю свое осознание Православия как истины именно с практикой. Действительно, какой у нас миссионерский призыв? «Приди и виждь!» Да? Как было призвание Нафанаила. Я видел, впитывал вот такую живую веру, постоянную молитву.

– *Работать сторожем в храм вы пошли намеренно?*

– Случайно, совершенно случайно! Тогда мы развелись с женой. Можно сказать, мы спокойно разошлись, без скандала. Мы прожили вместе шесть лет, а потом поняли, что ста-

новимся совершенно чужими друг другу. Она хотела уехать жить на Запад. И в итоге уехала. Я же хотел остаться в России. Хотя это, конечно, была не главная причина. Тогда я еще и работу потерял, стал искать разные подработки, и однажды приятель познакомил меня со священником, которому нужно было сделать какую-то декоративную отделку в церкви. Священнику моя работа понравилась. Приехал другой священник, посмотрел и сказал: «А мне так можешь сделать?» – «Могу». – «Ну поехали». И я там просто остался. Вот так потихонечку Господь меня хитро привлек. Этот храм находился в городе Светлый, в Калининградской епархии.

Smell of Orthodoxy

– *Получается, все произошло естественно?*

– Да. Когда меня спрашивают, как и почему я стал монахом, то обычно добавляют: «У вас было какое-то потрясение в жизни? Произошла трагедия? Вас бросила девушка или что-то еще случилось?» – «Нет, – говорю я. – Ничего такого не было. Все было нормально!» Господь меня мягонько толкал в спину, а я упирался, налево-направо пытался отклониться. Но Господь меня, любя, «корректировал»: нет, сюда-сюда-сюда, и все. Вот так и получилось.

– *Но монашество – это другой вопрос. Можно прийти к вере и остаться мирянином.*

– Знаете, мне как-то сразу очень понравилось монаше-

ство. Вот у о. Серафима (Роуза) есть выражение „smell of Orthodoxy“. Его можно перевести как «аромат Православия». И на меня так же повеяло ароматом монастыря. Я почему-то влюбился именно в монашество, сразу. Хотя ни разу ни в одном монастыре не был в своей жизни, разве что в Оптиной, в 1991 году. Но это было так, дань моде тогдашней: все ездили в Оптину – и мы поехали на пару дней.

Я бы даже и обращением-то это не назвал, потому что я никогда не был ни упорствующим язычником, ни воинствующим атеистом и, в общем-то, к христианству, к Церкви всегда относился с симпатией – мне было интересно.

Мой приход к вере, осознанный, осмысленный, совпал с этой влюбленностью в монашескую традицию. А что можно было узнать о монастырях? Шла середина 90-х, и столько фильмов о монастырях, как сейчас, не было. Только книги какие-то. Но вот батюшка, настоятель храма в Светлом – игумен Тихон – был монахом.

В то время мне было 25–26 лет. Поступая в семинарию, я понимал, что если я был однажды женат, я не могу быть одновременно второбрачным и священником, то есть, если мне придется становиться священником, то мне, соответственно, придется вести или целибатный образ жизни, или монашеский. И вот, поступив в семинарию, на первых же каникулах я сорвался и поехал в монастырь. А так как я не знал, какие есть вокруг монастыри, то попросту спросил, где же здесь ближайший хороший монастырь. Мне ответили. Это была

Курская Коренная пустынь. Туда я сразу и поехал, потому что мне было жутко интересно, как устроена монастырская жизнь.

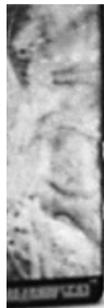
– *А почему вы поступили именно в Белгородскую семинарию?*

– А я родился в Белгородской области. Отец Тихон посоветовал мне поступать в Смоленскую семинарию, где ректором был митрополит Кирилл, нынешний Патриарх. Но там была нужна рекомендация. Надо было ехать в Смоленск, я туда отправился, отдал документы и решил там где-то искать возможность получить эту рекомендацию, уже архиерейскую. Но тут вдруг меня батюшка зовет и спрашивает: «Ты же сам родился в Белгородской области?» Я говорю: «Да». – «В этом году там открывается новая семинария. Пойдет первый набор, и они будут стараться наполнить классы – будут брать всех дураков сразу. Тебя-то уж точно возьмут. Так что забирай документы из Смоленска и езжай в Белгород!» А я, хотя и родился в Старом Осколе Белгородской области, довольно плохо знал сам Белгород, был там считанные разы в своей жизни – в юности, в студенчестве. Но приехал. Помню, добрался автостопом. Еще заодно умудрился потерять паспорт и украинскую границу пересекал нелегально, без документов. На экзамены я опоздал. Ситуация была смешная, конечно. Но меня в семинарию взяли.

– *А в Коренной пустыни вы долго пробыли?*

– Все зимние каникулы. Впечатлений было много. Я в пер-

вый раз увидел очень много таких моментов, которые могли бы другого человека оттолкнуть от монашества. Но я все-таки в своей жизни уже многое успел повидать, поэтому меня это не оттолкнуло – мне там понравилось. Именно на самой обычной рядовой службе у меня пришло вот это ощущение полного, четкого осознания бытия Божия. Я уже поступил в семинарию, и уже отучился первый семестр, и, наконец, на этих рождественских каникулах я ощутил каким-то нашим органом, который верит, что да, Бог есть, и Он сейчас здесь, среди нас. Это был очень важный момент, потому что все стало на свои места.



До этой Встречи я, конечно, причащался, исповедовался, молился. Но это, наверное, была такая вот окончательная Встреча. Как будто этим мне было сказано: «Ты здесь, ты на своем месте». Я понял, что так и есть – я на своем месте. И сразу успокоился.

– А как реагировали родные, друзья? Для них обычно такой поворот судьбы сына, родственника, друга бывает ударом.

– Родственники? Обрадовались! Потому что я из дома уехал лет в 17–18. В 18 лет уже окончательно уехал и появлялся всего один раз в год... Поэтому мама была рада, что я хоть к чему-то прибился. Она, будучи изначально человеком нерелигиозным, сама к тому времени пришла в Церковь. Совершенно независимо от общения со мной – ведь я жил отдельно, приезжал раз в год. И сейчас она ходит в храм. Раньше она работала в школе учительницей и преподавала математику, а уже в последние годы перед пенсией стала преподавать основы Православия. Сейчас в воскресной школе с детьми работает.

– А дочка?

– Лизавета? Она жила то со мной, то с матерью. То есть, когда мы разошлись, с матерью, а лет с 12 до 16 – самые сложные, подростковые годы – со мной. Потом она опять уехала в Америку – заканчивать там школу, получать образование. Сейчас Лизавета с большой симпатией относится к Православию, хотя я бы не сказал, что она церковный чело-

век. Но думаю, что Промысел Божий о ней еще каким-то образом исполнится. Надеюсь, по крайней мере.

Люди преимущественно добры

– Вы в свое время много путешествовали, автостопом объехали Центральную Россию. Интересно, что вы вынесли из этих поездок, из этого времени?

– Что люди преимущественно добры. То есть в большей своей массе люди, как правило, добры и склонны совершать добрые поступки. И я чаще встречался с проявлениями такого совершенно бескорыстного добра, чем с каким-то беспричинным злом.

– Ради этого стоит выехать из квартиры...

– Да, конечно. Могу вот такой случай вспомнить. Когда я готовил документы для поступления в семинарию, нужно было свидетельство о Крещении. Я был крещен в Свято-Троицком храме города Старый Оскол в 1969 году, а жил в то время все-таки уже в Калининграде. И я поехал, чтобы взять это самое свидетельство о Крещении. Доехал до Смоленска на поезде – а это была зима, декабрь – вышел, морозно было, холодненько. Денег у меня не было, и я поехал автостопом в Москву, чтобы там у знакомых остановиться, а из Москвы добраться таким же образом уже до Старого Оскола. И вышло так, что я застрял ровно посередине трассы Смоленск – Москва. А мороз хороший был, думаю, за

двадцать уже стал опускаться. Уже три часа, темнеет быстро, декабрь, солнце садится, а я в легком пальтишке. Ветер поднялся. Ни одного населенного пункта поблизости, я так понимаю, нет. Меня там просто попутная машина высадила, свернула на какую-то дорожку, и все. И я стою и понимаю, что, если сейчас какая-нибудь попутка меня отсюда не возьмет, я просто замерзну, и никто внимания не обратит. И уже когда совершенно стемнело, останавливается большой грузовик, КамАЗ. Я забираюсь в теплую кабину и вижу, что там то ли узбек, то ли таджик – в общем, человек из одной из наших восточных республик. Он меня очень радушно накормил, предложил сигареты. Довез меня до Москвы, при этом заехал на МКАД (а ему туда совсем не нужно было), чтобы довезти меня до ближайшей автобусной остановки, и вдруг спрашивает: «Как же ты из Москвы будешь добираться? Давай я тебе денег дам на билет до твоего города». Я говорю: «Но я ведь не смогу тебе отдать эти деньги!» – «А ты их потом отдашь кому-нибудь, кому будет нужно». Денег я, конечно, не взял, потому что знал, что если уж до Москвы доехал, то со мной будет все нормально.

Я успел на последнем поезде метро доехать в Тушино к своим друзьям. Кстати, тогда очень сильно простудился – добравшись до друзей, свалился у них с температурой 40 градусов. Вот такой яркий случай мне запомнился.

– *Настоящий христианский поступок...*

– Хотя он был мусульманин, имя свое даже называл – уже

не помню, забыл.

Послушание – миссия

– Отец Агафангел, скажите, любовь к путешествиям у вас, наверное, сохранилась?

– Разумеется. Но это уже вписывается в рамки моих миссионерских экспедиций.

– То есть по послушанию, куда направят?

– Знаете, всегда ведь можно отказаться. У нас сейчас есть священники, которых спрашивают, не желают ли они поехать в миссионерскую командировку, и они отказываются.

Нет, все очень хорошо совпало, легло как раз на привычный для меня образ жизни, на мое миропонимание. Потому что, я повторяюсь, миссионер, который выезжает в дальние миссии, должен иметь, я считаю, особый склад характера, то есть вот как Иннокентий Московский. Ему 27 лет, жена, дети, а ему говорят ехать Бог знает куда – на Алеутские острова. И он сказал: у меня проснулась жалость и любовь к тем людям, не просвещенным светом Евангелия, и желание повидать новые земли. Поэтому два таких момента, как интерес и мотивация, важны для тех, кто уезжает в отдаленную командировку. Если у человека заранее нет этого априорного отношения, любви к тем, кого он встретит, и такого любознательного желания посмотреть на нечто новое, неведомое, то, конечно, ему тяжело в поездках. Я это знаю, по-

тому что к нам в Тикси четыре священника приезжали, около двенадцати семинаристов. И были такие, которые приехали просто за послушание. Отбыли, очень сильно тяготились нашими устоями и уехали обратно. А были такие, которые приехали за послушание, увидели все, расцвели там, уехали, а потом назад тянутся: «А можно еще раз? А можно еще на больший срок приехать?» То есть люди все разные. Понимаете?

– *А сколько сейчас в миссионерском стане в Тикси постоянных священников?*

– Один – отец Иоасаф, тоже иеромонах. И помощник Илья Стародубцев, студент-заочник нашей семинарии. Отец Иоасаф там работает в школе, служит в двух поселках, а Илья должен был в конце января поехать в один из оленеводческих поселков, но нам сложно сейчас с вертолетами.

– *Скажите, а как вы сейчас осознаёте свой путь: больше как монашеский или как миссионерский? Потому что мне чувствуется, что есть в этом (может быть, я ошибаюсь) какое-то противоречие.*

– Вы знаете, миссионеры, как правило, все были именно монахами. Трифон Печенгский, Феодорит Кольский. На Аляске была первая миссия: Валаамский монастырь целый корабль монахов снарядил. То есть в истории российской, по крайней мере в истории Православной Церкви, как правило, все первопроходцы, миссионеры были монахами. Потому что монах легче на подъем. Сложно все-таки с матушкой

и детками уезжать куда-то в дальние края. Так что, я бы сказал, это даже какая-то традиция наша церковная.

– С другой стороны, миссионер непрерывно общается с людьми. А как же молитва? Не страдает ли она от этого? Возможно ли непрерывно молиться и непрерывно общаться?

– А если ты общаешься с людьми, ты погружаешься во все их беды, скорби, радости, ты за них же и молишься всегда – иначе нет смысла! Если ты не пропускаешь людей через свое сердце, если ты просто отбываешь свое послушание, то толку не будет. Вот встречаешься ты с людьми, с одним, с другим пообщался, постарался войти в его положение, и, если ты его уже впустил в свое сердце, конечно, ты будешь за него молиться. Молитва в смысле исполнения какого-то жесткого монастырского правила – этого практически не бывает. Потому что это невозможно. Но четки всегда с тобой...

– Истинной молитве и активность в социальных сетях тоже не мешает?

– Разумеется, нет. Я прихожу домой вечером, в девять часов включаю компьютер, и два часа у меня на Интернет. У меня сейчас в соборе, где я служу, нет ни Интернета, ни телефона. И я занят практически весь день. В семь-полвосьмого утра из дома выхожу, а в полвосьмого вечера прихожу.

– А вы сейчас больше будете в Белгородской области?

– Понятия не имею, потому что сейчас служу в храме, по

указу митрополита, настоятелем¹, но пока не знаю, что будет дальше. В Тикси строится храм, летом нужно будет туда возвращаться.

– *А хочется вернуться?*

– Ну, конечно. Я ведь там занимаюсь по-прежнему всеми делами, стройкой храма и прочим. Так что я еще точно не знаю, что будет в ближайшие полгода.

– *Чему больше всего радуетесь, когда в Тикси возвращаетесь из Москвы, из Белгорода?*

– Я там был почти четыре года, поэтому у меня ощущение, что я домой вернулся. «Ну, наконец-то суэта закончилась!» – думаю, особенно когда из Москвы возвращаюсь. Суэта закончилась, приехал домой, где все понятно, размеренно, четко, ясно.

– *Вы свободно говорите на якутском языке?*

– Нет-нет, ну что вы! Этот язык очень сложный. Разговорный немного знаю. Могу задать простые вопросы, поддержать разговор на бытовом уровне. Ну и, конечно, богослужебный язык – недавно изданы новые переводы литургических текстов на якутском.

– *А служите вы на каком языке? На русском, якутском?*

– Мы служим преимущественно на церковнославянском языке с включениями, разумеется, русского языка. Священ-

¹ В сентябре 2012 года игумен Агафангел (Белых) назначен настоятелем Свято-Никольского собора в городе Валуйки (Белгородская область) с послушанием по воссозданию Валуйского монастыря.

ное Писание читается, скажем, на русском языке и отдельные ектеньи и возгласы говорятся на якутском. Ну, допустим, «мир всем» звучит по-разному. Там есть два произношения: «барыттыгар иль эйе», но это как-то распевно произнести сложно, поэтому мы еще говорим «эйе эйиэхэ», то есть «мир вам». Или прошение на ектенье «паки и паки миром Господу помолимся» звучит так: «Саната санналлы бары бииргэ эйэ дэмнэхтик Айыы Тойонно унгюөрүнг».

– *Красота!*

– Да, это очень интересный язык. Когда меня перевели с Тикси в Валуйки, я взял с собой учебник якутского языка, все словари. Думал, буду заниматься, но за пять месяцев так и не открыл, потому что большой собор, многоштатный, очень много проблем. Коммуналка, ремонт – все это съедает время. Некогда языком заниматься, к сожалению.

Якутия христианская

– *Расскажите немного про Тикси, про людей, которые там живут. Насколько они открыты Евангелию? Насколько они отличаются от верующего населения Центральной России?*

– Здесь следует различать коренных жителей, живущих в отдаленных поселках, и приезжих, живущих в центральных поселках.

Русские, которые там живут, они, как ни странно, меньше

открыты слушанию Слова Божия. Конечно, кто-то в отпуска приезжает на Большую землю, крестит детей в храмах – это понятно. Но в общем и целом они воспринимают Православие как некий компонент своей национальной идентичности, и только. А коренные жители в далеких поселках – эвены, эвенки, якуты – они более открыты, при всем внешнем, формальном стремлении к традиционному язычеству (кормлению огня и прочему). Готовность к диалогу там больше, намного больше. Но, как любые северные люди, они всегда на приезжих смотрят с небольшим скепсисом – сохраняется некая дистанция.

– *При всем гостеприимстве?*

– При всем гостеприимстве. Вот вы же приедете и уедете, а мы тут будем жить, так что мы вас послушаем, ладно уж. Приедут какие-нибудь неохаризматы, пятидесятники – их также послушают. Приедут баптисты, с гитарами споют что-то – и их с интересом тоже послушают.

И здесь, разумеется, нам приходится наши поездки делать продолжительными: мы приезжаем на полтора месяца, на два, чтобы пожить вместе. И большое значение имеет, что приезжает не местный, а русский человек, причем из европейской части России, и вдруг начинает говорить хотя и не вполне правильно, но на якутском языке – что, конечно, сразу немножко растапливает лед. Это понятно, ведь и мы так же рады всегда, когда приезжает иностранец и пытается с нами говорить пусть на ломаном, но на русском языке. Это

нас к нему как-то располагает. Сразу понятно, что человеку небезразлична наша культура, наша история. Наверное, для всех это универсально.

– *Но в вас какие-то тюркские корни, наверное, есть?*

– Есть казахи. Довольно далекие. Но это, может, как-то и облегчает мое понимание своего места в этом мире.

Строгая молитва деда

– *Вы что-то знаете об истории своего рода?*

– Я знаю свой род, начиная с прадеда. Мой прадед по отцу был из терских казаков. Он жил в Грозном. И фотографию я помню с детства – она была у нас в семье. 1911 год, город Грозный, и все семейство, прадед в бурке и с газырями сидит. Потом, в 1920-е годы, одна часть нашей семьи попала на Донбасс и через Донбасс в Липецкую область, а другая – в Казахстан, в город Уральск. Оттуда и мои казахские родственники. А по матери все, по-моему, у меня из Центральной России. Дедушка семитских кровей был. Его я живым не видел, он скончался задолго до моего рождения. Вот такие мои корни.

– *А деды? Я знаю, что один из ваших дедов точно был верующим.*

– Пётр Тихонович, дед по отцу, который из казачьего рода. Он воевал, ранен был, и мои первые религиозные впечатления связаны именно с ним. Как-то он меня, пяти или ше-

стилетнего мальчика, повел в храм, в огромный собор в Ельце. Шестилетний ребенок стоит и видит огромный соборище – он очень высокий, расписанный. Это было самое первое яркое религиозное впечатление в жизни. Ну и дед молился, конечно. Он всегда вечером молился – я это тоже видел. Все-таки очень важен пример. Мы об этом в начале говорили: хочешь узнать о Православии что-то – попробуй его на вкус, приди и смотри. И вот когда я видел, как дед поклоны кладет, читает молитву свою суровую – это все и осталось тут, в сознании.

– Это, наверное, по его настоянию вас крестили? Ваши родители были церковными людьми?

– Нет, крестили тогда всех. Скорее, просто по обычаю. Хотя, думаю, и дедушка, и дядя настояли, чтобы меня крестили. Вопрос этот обычно решается семьей коллегиально, это ясно.

– 1969 год?

– Да, 69-й. Я даже видел эту запись в тетрадке: крещен, младенец трех месяцев. Как я теперь знаю, меня крестили 3 августа.

О внутренней свободе, или О том, почему не бывает бывших хиппи

– Отец Агафангел, я знаю, что у вас была хипповская юность... Есть ли логика в движении от хиппи к монаше-

ству? Ведь что хочет хиппи от жизни? Хочет свободы, желательно абсолютной. А монах? Он обрекает себя на несвободу послушания, на дисциплину поста и молитвы. Получается, что это противоположные чаяния. Или все-таки нет?

– На самом деле никакого противоречия здесь нет. Миропонимание наших отечественных хиппи (а советские хиппи – это все-таки уникальное явление), действительно, было основано на желании свободы, желании какого-то противостояния тому жесткому порядку вещей, который характерен для авторитарного государства. Политический уклад здесь не так важен: мы видим, что капиталистический строй может быть не менее жестким, чем коммунистический. Но если изнутри посмотреть на субкультуру хиппи, то мы увидим, что у них при всей этой свободе сразу четко видны отличительные знаки «свой-чужой». Твой прикид – фенечки там всякие, клёшики, хаера и прочее – сразу дает окружающим понять, что ты не панк, не металлист, а именно «волосатый». То есть мы видим, что при всей свободе какие-то моменты внутри системы все равно регламентируются. Может быть, конечно, неосознанно, но довольно четко. Те же выражения, которые используются в разговоре, тот же хипповский сленг – их не спутаешь ни с какими другими. Человек, стремясь к полной свободе, все равно воспринимает какую-то форму поведения.

Поэтому монашество – это та же внутренняя свобода, и

она выражается в избрании какой-то определенной формы жизни, в определенном отношении к миру. Тут мы видим ту же самую отличную одежду, свои традиции, установки, которые характерны для монашества. Все это, разумеется, избирается человеком совершенно добровольно, по его внутреннему желанию, стремлению именно таким образом приблизиться к Богу.

– Но монах же не ищет свободы? Он ищет чего-то другого. Служения Богу.

– Я думаю, что монахи наиболее свободные люди. Само слово «монах» возникло от греческого «монос» – «один». Скажем, человека семейного связывает ответственность за членов своей семьи. Или человека, который трудится на какой-то важной работе, связывают должностные, служебные отношения и иные вещи. Наиболее свободен из всех как раз монах, потому что он тот, кто решился не иметь ничего. Когда мы говорим о какой-то уставной стороне монашества – службы, посты, молитвенное правило – может показаться со стороны, что это ужасное закабаление. Но если это избирается человеком добровольно, то как это может быть связывающим элементом?

Потом еще, мне кажется, монашество, даже если взять исторически, всегда было бунтарским элементом. Именно из-за протеста против «бытового», «широко разлившегося» христианства и появилось монашество. Когда закончилось мученичество, появилось монашество – это исторический

факт... Оно было таким экстремальным христианством. Люди, видя, что христианство распространилось повсюду, даже сделалось модным, стали уходить в пустыни, в горы, желая максимального приближения ко Христу именно в этом самоограничении.

Я всегда против того, чтобы говорить о себе как о бывшем хиппи. Да, фенечки, клёши остались в прошлом, но отношение к жизни – оно ведь не поменялось, и понимание мира – оно осталось прежним. И хотя мне сейчас пятый десяток и вроде пора уже давно стать политически грамотным человеком, мне все равно кажется неприемлемым любое подавление другого, лишение его права выбора, лишение его внутренней свободы. Поэтому я всегда протестовал против использования административного ресурса в миссионерской деятельности.

– А как без него?

– Ну а как раньше было без него?

– Я полагаю, что раньше были отдельные харизматичные люди, которые на себе все держали. Разве сейчас это возможно?

– Конечно, возможно. Миссионер – он ведь всегда харизматичен. Человек, который идет уныло отчитывать какую-то проповедь, не сможет никого привлечь. Это ясно. Миссионер должен быть всегда воодушевлен, и воодушевлен именно осознанием правоты того, что он делает. Если он это делает, то должен в это верить и, соответственно, иметь глубо-

кую мотивацию.

Если таких людей нет, то и Церкви не может быть в принципе. Потому что это воодушевление есть некое действие Духа Святого, это некий благодатный дар свыше, от Бога, дар на свидетельство о Нем. Его нельзя как-то искусственно вызывать, нельзя это смешивать с какой-то экзальтацией, эмоциональной возбужденностью. Человек, находящийся в Духе, наоборот, мирен, спокоен. И я думаю, что если у нас стоит еще Церковь, а она будет стоять до конца времен, то, разумеется, такие люди тоже в ней есть и будут – иначе быть не может.

– С кем-то из той хипповской тусовки, с которой вы общались, вы потом пересекались в жизни? Многие ли в Церковь пришли?

– Очень многие. То есть, по-моему, все наиболее близкие друзья, кто не умер от наркотиков или еще от чего-то, они все в той или иной мере стали верующими людьми. Сейчас вот близкие друзья – православные, один сначала был харизматом, потом православным, теперь вот ушел в старообрядцы.

– Бунтарство сохранилось, судя по всему?

– Да-да. Двое баптистами стали. Но преимущественно все православные, конечно.

Много путей к Богу

– У вас яркое миссионерское направление деятельности. А в общении со знакомыми, друзьями, еще не воцерковленными, пытаетесь ли как-то убедить, рассказать о красоте Православия? Есть ли такое миссионерское рвение?

– Я бы сказал, это такое хорошее неофитское рвение – пытаться всех убедить. Но, как можно заставить человека верить? Это невозможно. Можно только свидетельствовать, можно отвечать на вопросы, можно говорить о своем опыте. Можно, допустим, человека победить в споре, если ты владеешь какими-то приемами ведения дискуссии. Но ты же не заставишь его изменить свою точку зрения! Совершенно нет.

– А что, по вашему опыту, чаще всего приводит человека к Богу?

– Я не знаю. У человека много путей к Богу. Они не все известны. Но я думаю, что реже люди приходят от радости. Чаще от страданий.

– Вот, например, в Тикси о чем вы пытаетесь говорить прежде всего? Просто свидетельствовать? Рассказывать о вере?

– Обычно отвечаешь на вопросы. Или к тебе пришел человек, или зачем-то ты к нему пришел – возникает разговор. А если есть разговор – диалог, разумеется, а не монолог –

просто рассказываешь, почему ты именно так веруешь, почему не иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.